«Дарвинизм» Н.Я. Данилевского в оценке русских философов, историков и теоретиков биологии

Для успеха необходимо появиться своевременно.

Н.Я. Данилевский. «Дарвинизм»

В.И. Назаров[1]

Критика дарвинизма ознаменовалась в XIX веке двумя высшими достижениями – появлением трехтомных трудов немецкого ботаника Альберта Виганда и его русского единомышленника, зоолога и известного славянофила, Н.Я. Данилевского. В то время образованная часть общества, ослепленная дарвинизмом, не обратила на них почти никакого внимания, и, по-видимому, не будет преувеличением сказать, что оба труда приобрели подлинную актуальность только в наши дни.

Уже в заглавие исследования Виганда[2] вынесена главная методологическая причина несостоятельности дарвинизма – уклонение его создателя от требований позитивной науки, которым следовали Ньютон и Кювье. В трех книгах последовательно рассмотрены предпосылки, основные положения теории Дарвина и ее следствия, которым противопоставлена вся совокупность существовавших в то время контраргументов. Проводится методологический анализ теории.

Н.Я. Данилевский (1885, 1889) в основном повторяет критику Виганда, в главных чертах следует порядку ее развертывания, но его разбор действия искусственного и естественного отбора отличается большей глубиной анализа, объективностью, остроумием и оригинальностью мысли, а труд в целом выглядит более капитальным. Это дает нам основание при перечислении самых трудно опровержимых возражений дарвинизму придерживаться исследования Данилевского, специально отмечая лишь наиболее важные заслуги Виганда.

Но прежде нам трудно воздержаться, чтобы не высказать собственных впечатлений о произведении Данилевского в целом. Всякий, кто решится его прочесть (а это без малого 1500 страниц), согласится, что оно достойно двух главных эволюционных трудов Дарвина, а, возможно, в ряде моментов их и превосходит. Тысячи цитат из Дарвина, прослеживание развития его мысли от издания к изданию, доскональный анализ критикуемых примеров и аргументов, насыщение произведения великим множеством фактов, скрупулезно собранных самим Данилевским и точно документированных, яркие сравнения с кругом других, более знакомых явлений, наблюдательность и чутье натуралиста, едва ли уступающие Дарвиновским, наконец, 25-летний напряженный труд делают это произведение действительно «истинным подвигом русского ума и Русского чувства», как выразился о нем сподвижник Данилевского Н.Н. Страхов (там же, т. II, с. 48). Главное же впечатление при его чтении – это сколь многое из написанного остается справедливым и сейчас, в пору великих научных открытий.

В качестве итоговых Данилевский приводит 15 главных ошибочных выводов Дарвина и 10 логических промахов, которые к ним привели. Кроме того, во всех главах по специальным проблемам в общей сложности выявлены многие десятки, а возможно, и сотни положений, которые, по Данилевскому, не выдерживают критики и должны быть отвергнуты. Мы приведем не все главные возражения Данилевского, но дополним их интересными и менее известными более частного характера. Отметим особо, что нижеследующие пункты сплошь и рядом не соответствуют пунктам Данилевского, а сконструированы и сформулированы нами из всей совокупности его возражений ради краткости изложения.

1. Нет никаких оснований распространять на виды дикой природы выводы, касающиеся способов образования форм домашних животных и культурных растений, а аналогия между искус-

[1] Печатается по изданию: *Назаров В.И.* Эволюция не по Дарвину: смена эволюционной модели. – М.: КомКнига, 2005. – С. 68–75 (*Ред.*).

[2] *Wigand A.* Der Darwinismus und der Naturforschung Newtons und Cuviers. 3 Bände. Braunshweig: Vieweg, 1874–1877.

Альберт Виганд

ственным и естественным подбором[3] совершенно ложна. (Возражение ранее высказано Вигандом.)

Дарвин не указал ни одной породы, которая возникла бы путем постепенного накопления мелких индивидуальных изменений, и сильно преувеличил роль искусственного подбора в становлении культурных форм растений и животных. Это становление было с самого начала предопределено более высокой изменчивостью их прародителей, а впоследствии определялось появлением крупных внезапных изменений (как в случаях однолистной земляники, пирамидального кипариса и плакучей туи), уродств (анконские овцы, такса, легавая), наследственных болезней (турман), гибридизации между породами.

Дарвин игнорировал крупные скачкообразные изменения, ибо в этом случае отпадала надобность в его теории и рушилось естественное объяснение органической целесообразности.

2. Изменения у домашних форм не могут служить основанием для понимания происхождения диких видов и по той причине, что они ни в одном случае не достигают видового уровня. Все породы свободно скрещиваются друг с другом с образованием плодовитого потомства, а в случае одичания возвращаются к исходному дикому типу. Это равнозначно тому, что все здание теории Дарвина лишается своего фундамента и «всякой положительной основы» (Данилевский, 1885, ч. I, с. 366–367). (Возражение ранее высказано Вигандом.)

3. Большая часть из семи заключений Дарвина, которыми он обосновывает тезис о разновидностях как «начинающихся видах», или неверны или опираются на факты, из которых таких заключений сделать нельзя. Статистические обсчеты многих региональных флор не подтвердили положений Дарвина о том, будто процветающие или господствующие виды чаще образуют хорошо обозначенные разновидности, будто в каждой стране бóльшие представлены бóльшим числом господствующих видов или будто виды больших родов содержат больше разновидностей, чем малые.

Неправомерно вообще игнорировать качественные различия между разновидностями и видами, находя между ними лишь различия в степени, и в самых ответственных дедукциях подменять отношения между разновидностями отношениями между видами.

4. Неопределенному и мозаичному характеру изменчивости у Дарвина противоречат признаваемая им соответственная (соотносительная) изменчивость и в целом принцип коррелятивного изменения частей и систем органов организма. Если теория не может ответить, какая доля в достигнутом преобразовании принадлежит неопределенной, а какая – соответственной изменчивости, то она не может класть первую в фундамент возводимого здания. Подбор и соответственная изменчивость – «начала <...>, друг друга исключающие» (там же, с. 169).

5. Жизнеспособность организма при смене окружающих условий зависит от одновременного изменения большого комплекса признаков (это равнозначно эффекту соответственной изменчивости), и всякое единичное изменение будет вредно, так как нарушит существующую корреляцию. Признать же одновременность изменений – значит признать определенную изменчивость, при которой теория Дарвина теряет всякий смысл и значение и возрождается принцип целестремительного развития Бэра. Ибо то, что дарвинизм призван объяснить, – внутренняя и внешняя целесообразность – «будет уже вложено в сам процесс изменения как нечто данное» (там же, ч. II, с. 22). Изменение же комплекса признаков, по теории Дарвина, невозможно.

6. Борьба за существование, хотя она и существует как спорадическое явление, совершенно лишена свойств крайней интенсивности, непрерывности и длительной однонаправленности, не-

[3] Как и все дореволюционные авторы, Данилевский переводит английское слово *selection* как «подбор», и мы сохраняем его терминологию.

обходимых для того, чтобы ее следствием мог явиться естественный подбор.

С прекращением борьбы или изменением ее направленности (а это случается во много раз раньше, чем появление «заметной разновидности») достигнутое изменение лишается своего преимущества, перестает фиксироваться и исчезает. С этого момента процесс накопления изменчивости, достигнутого «трудами многих сотен или тысяч поколений», должен начинаться сызнова и, вероятнее всего, пойдет теперь в другом направлении. Коль скоро борьба за существование селективными свойствами не обладает, в природе нет и естественного подбора. И это хорошо подтверждается отсутствием переходных форм как между ныне живущими видами, так и между ископаемыми формами.

7. Дарвин не принимает в расчет нивелирующую роль свободного скрещивания, препятствующего закреплению даже полезного признака. Если новый признак почему-либо и будет сохраняться у какого-то числа индивидов, то на его распространение по всему виду никогда не хватит времени; если он возникнет сразу у очень значительного числа особей, то такое явление уже не сможет называться индивидуальной изменчивостью; если, наконец, признак оказался бы столь полезным и масштабным, что смог бы превозмочь все стоящие на его пути препятствия, то его бы назвали не индивидуальной изменчивостью, а крупным самопроизвольным изменением.

Данилевский резюмирует, что «начинающееся индивидуальное изменение будет всегда, без малейшего возможного исключения побеждено своим коренным видом, сколько бы зачатков выгод, прогресса и усовершенствований, большей и лучшей приспособленности оно в себе ни несло <...>. А из этого прямо следует, что такой хитрой и курьезной штуки, как измышленный Дарвином естественный подбор, не существует, не существовало и не может существовать...» (там же, ч. II, с. 100).

8. Никаких средств для устранения свободных скрещиваний внутри вида у природы нет, и потому она не «производит и не может производить подбора». Поглощающая роль свободных скрещиваний, признанная самим Дарвином, должна быть представлена одним из первых аргументов против его учения. Удивительно, что ни в одном из его сочинений нет даже попытки устранить это противоречие.

Дарвин решительно отклонил гипотезу географической изоляции «благоприятно изменившихся организмов», видимо, сознавая ее несовместимость со своей теорией.

9. Теории подбора противоречат многочисленные факты существования в природе видов с безразличными, бесполезными и даже вредными признаками. В число последних входят и такие, которые полезны для других видов.

10. Теория Дарвина не интересуется бесполезными признаками и считает их наиболее изменчивыми. Но к «бесполезным» признакам относятся самые важные (существенные) организационные признаки, на которых строится систематика от рода до типа, – и они наиболее константные. Сколь же сужается сфера подбора, если он не принимает участия в становлении самых важных признаков! Выходит, что теория Дарвина отстраняется от объяснения генеалогического характера филогенетической систематики.

Впервые на бессилие дарвинизма объяснить происхождение высших систематических единиц путем дифференциации низших обратил внимание Виганд. Он справедливо указал, что категории вида, рода, семейства и т.д. отличаются друг от друга не столько количественно, сколько качественно (абсолютно). Если вид и может распасться на несколько новых видов, то при этом не возникает автоматически нового рода, ибо это понятие определяется не числом относящихся к нему видов, а совокупностью своих специфических особенностей, которые реально существуют у всех его представителей.

11. Если бы органический мир образовался в соответствии с теорией Дарвина, это был бы совершенно иной мир, в корне отличный от того, который мы имеем перед глазами. То был бы мир «нелепый и бессмысленный». Семена одного и того же растения образовывались бы то с одной, то с двумя семядолями, животные рождались бы то с внутренним, то с внешним скелетом, то с брюшным, то со спинным расположением нервной системы. Никогда не появились бы тяжелые рога оленей, плавательный пузырь рыб, паразитический инстинкт кукушки. Систематики классифицировали бы организмы (если бы вообще в состоянии были это делать) не по морфологическим, а исключительно по текучим адаптивным признакам. Низшие формы были бы вытеснены высшими.

12. Данилевский повторил возражение Майварта о бесполезности, а, возможно, чаще – вредности, в момент зарождения будущих полезных признаков. Было бы нелепым ожидать от слепого подбора сохранения таких изменений в предвидении их будущей пользы, если ее нельзя извлечь в данный момент. Конструируя гипотетические примеры нарастания преимущества признака от поколения к поколению, Дарвин за не-

имением реальных переходов опирается на пользу новых признаков, беря их уже в готовой форме, как они представлены у сформировавшихся видов.

13. Вымиранию видов не сопутствует процесс нарождения новых, как это должно следовать из теории Дарвина, по которой умирание есть следствие конкурентного вытеснения старых видов своими более приспособленными потомками. Это хорошо видно на примерах недавнего исчезновения крупных зверей, нелетающих птиц, слоновых черепах. Они исчезли вместе со своими разновидностями, не оставив более удачливых потомков. Во всех известных случаях процесс вымирания оказался независимым от процесса нарождения видов. Это равнозначно отсутствию естественного подбора, в котором указанные процессы взаимосвязаны.

14. Сколь ни длительна геологическая история Земли, а времени для образования органического мира с помощью естественного подбора при всех уступках этому учению не хватило бы. Разница между реально истекшим временем и потребностью в нем по теории Дарвина слишком велика, чтобы в геологическое время можно было «вместить дарвиновский процесс образования видов».

В заключение этого перечня возражений нельзя не сказать об отношении Данилевского к Дарвину, его теории и о его собственном биологическом кредо.

Критическое исследование Данилевского вызывает не меньшее восхищение, чем труды Дарвина. Оно содержит не только уничтожающую критику теории происхождения видов, «ложной в самой своей сущности», но и признание многих истинных заслуг ее автора. Главное же состоит в постоянном ощущении Данилевским близости к «великому произведению человеческого ума» (там же, ч. I, с. 24), которое передается и читателю. «Кто прочел и изучил сочинения Дарвина, – пишет Данилевский, – тот может усомниться в чем угодно, только не в его глубокой искренности и не в возвышенном благородстве его души» (там же, ч. I, с. 11).

И вместе с тем, по оценке Данилевского, Дарвин создал самое неэстетичное, «ужасное учение, ужасом своим превосходящее все вообразимое <...>. Никакая форма грубейшего материализма не опускалась до такого низменного мировоззрения» (там же, ч. II, с. 522, 529). Изобретя механизм подбора, заменивший разум случайностью, Дарвин породил «жалкий и мизерный» виртуальный мир, в котором правят балом «бессмысленность и абсурд». Наше счастье, что мир, в котором мы живем, не имеет ничего общего с изобретенным Дарвином.

Позиция самого Данилевского достаточно близка современной позитивной модели эволюции, к которой мы пришли в результате нашего исследования.

Согласно его взглядам, «псевдотелеология» Дарвина (поиск полезного во всем) не может заменить истинной телеологии, связанной с именами Аристотеля, Кювье и Бэра. В равной мере нелепо думать, что случайность и вероятность могут занять место разума, интеллекта, духовного начала. Превращения видов мыслимы лишь в случае признания внутреннего закона развития, который несет в себе каждый живой организм. То, что постулирует дарвинизм, вообще не заслуживает названия развития. Данилевский текстуально предвосхищает главную идею номогенеза, утверждая, что развитие, выражающееся в морфологических изменениях, есть процесс чисто внутренний, совершающийся сообразно закону. С ним вполне совместимо развитие крупными скачками, при которых целесообразность оказывается выражением определенного внутреннего плана. Хотя Данилевский и считает такой характер развития гипотетическим, он утверждает, что *только такую форму происхождения вида от вида* позволяют принять данные положительной науки.

С той же «положительной» точки зрения Данилевский принимает, что виды постоянны и «неизменны в своей сущности». Постоянство, однако, не синоним вечности. По прошествии какого-то срока часть из них вымирает, часть мутирует в новые виды. <…> Фактически то же самое утверждают теория прерывистого равновесия и экосистемная теория эволюции. В конце концов, считать виды длительное время не претерпевающими изменений или постоянными, но способными мутировать – это дело вкуса.

Ю.А. Филипченко[4]

Мы должны остановиться <…> на левиафане немецкой критики Дарвина – книге марбургского профессора ботаники Альберта Виганда под заглавием «Дарвинизм и исследование природы Ньютона и Кювье» в трех томах, вышедших в свет в 1874–1877 годах. Это наиболее подробный критический разбор теории Дарвина как с чисто специальной, естественноисторической, так и с общефилософской точки зрения, мнения о котором сильно расходились и расходятся до сих пор. С одной стороны, об этой книге приходится слышать самые восторженные отзывы, с другой – чисто иронические замечания, вроде сделанного в свое время Зейдлицем[5], что это де бесспорно самая ценная критика дарвинизма, так как она и стоит целых 4 талера! Истина лежит, как обычно бывает, посередине: Виганду, конечно, не удалось сокрушить теорию Дарвина, но некоторые из сделанных им возражений не потеряли своего значения и до сих пор, почему на них, безусловно, стоит здесь остановиться.

Первый том своей книги Виганд посвящает специальной, или естественноисторической, критике теории Дарвина. Последняя, в его глазах, – чистая гипотеза, для проверки справедливости которой необходимо разобрать сперва все ее предпосылки, а затем вытекающие из нее следствия. Такого именно порядка он и держится в дальнейшем изложении.

Предпосылками теории Дарвина являются, по Виганду, понятия вида, изменчивость, наследственность, искусственный подбор, борьба за существование, а также половой подбор и некоторые другие дополнительные построения. На каждой из этих предпосылок он останавливается довольно подробно, стремясь доказать, что или она сама по себе толкуется неправильно, или из нее можно сделать совсем не те выводы, какие делал Дарвин.

Что касается понятия вида, то Виганд считает его резко отличным от понятия разновидности и настаивает на том, что между ними имеется ряд абсолютных различий. Доводы его, однако, по этому вопросу отнюдь не производят убедительного впечатления. Изменчивость организмов, согласно Виганду, несомненный факт, однако изменения в состоянии одомашнения и в природе настолько отличаются друг от друга, что судить по одному о другом совершенно невозможно. С другой стороны, даже у домашних форм нет такой совершенно неопределенной и безграничной изменчивости, какую допускает Дарвин: даже самые крайние формы голубей, собак, тыкв без всякого труда могут быть признаны за представителей видов *Columba livia, Canis familiaris, Cucubita pepo*.

Взгляды Дарвина на наследственность кажутся Виганду также неправильными: она ограничивается лишь видовыми признаками, а отнюдь не распространяется на индивидуальные изменения. «То, что в действительности наследуется, а именно – видовые признаки, – замечает Виганд, – Дарвин считает безгранично изменчивыми, а то, что на самом деле преходяще, то есть вариации, он считает наследственными». Мы касались уже не раз вопроса о наследовании тех изменений, с которыми имел дело Дарвин, и пришли к заключению, что последний был, по-видимому, прав; однако это удалось вполне точно выяснить лишь сравнительно недавно, а во времена Виганда его замечание не могло не казаться довольно справедливым. Точно так же и упрек в смешении изменчивости в прирученном и в естественном состоянии мог легко показаться справедливым, ибо, как мы видели выше, изменчивость в естественном состоянии была более слабым местом теории Дарвина, и данные относительно нее были собраны значительно позже. Вообще же точное сравнение изменчивости домашних и диких форм возможно лишь при помощи тех методов вариационной статистики, которые стали применяться только в самое последнее время.

Переходя к искусственному подбору и борьбе за существование, Виганд решительно отказывает им в том важном значении, которое допускал для них Дарвин. Искусственный подбор, по его мнению, ничего не может дать для доказательства существования естественного подбора, раз вообще изменчивость в естественном и прирученном состоянии – два несравнимых понятия. Борьбу за существование он считает совершенно недоказанной: в его глазах это только «гипотетическое объяснение, придуманное специально на пользу теории». Хотя фактов этого рода у Дарвина, как мы отмечали выше, было, действительно, не так много и теперь мы гораздо богаче в этом отношении, все же приговор Виганда даже в его время был слишком суров и несправедлив. Впрочем, ему не кажется важным вопрос о том,

[4] Печатается по изданию: *Филипченко Ю.А.* Эволюционная идея в биологии: Исторический обзор эволюционных учений XIX века. Изд. 3-е. – М.: Наука, 1977. – С. 105–111 *(Ред.)*.

[5] *Seidlitz G.* Die Darwin'sche Theorie. 2 Aufl. Leipzig, 1875.

действительно ли происходит борьба за существование, так как и она ничего не в состоянии дать для эволюции. Те признаки чисто приспособительного значения, которые могли бы играть роль в борьбе за существование, как раз не важны для систематики, а настоящие систематические признаки не могли и не могут иметь значения в борьбе за существование. «Из этого следует, – говорит Виганд, – что для всех особенностей, лишенных приспособительного характера, а значит, в силу закона единства природы, и для всех остальных случаев необходимо принять какое-то иное объяснение, чем принцип подбора». Последнее замечание имеет довольно серьезное значение и отчасти совпадает с тем, что говорил по тому же вопросу Негели.

Разобрав все основные пункты теории Дарвина и выяснив, по его мнению, их несостоятельность, Виганд столь же легко расправляется и с дополнительными предпосылками этой теории. Принцип полового подбора, как ему кажется, – чистейший абсурд и доведение теории до границ смешного. Коррелятивная изменчивость, упражнение и неупражнение органов, прямое влияние внешних условий – все эти факторы слабы и недостаточны сами по себе, главное же, они несоединимы с теорией подбора.

От разбора предпосылок теории Дарвина Виганд переходит к рассмотрению вытекающих из нее следствий, ставя на первое место вопрос о естественной системе организмов. При этом он чрезвычайно подробно останавливается на учении Дарвина о происхождении высших систематических единиц путем дифференцировки низших, и здесь мы сталкиваемся с самой основательной частью всей критики Виганда.

По его мнению, категории вида, рода, семейства и т.д. являются «<...> не только логическими, но и естественноисторическими понятиями, отличающимися друг от друга не только количественно, но и качественно, не по степени, а абсолютно». Особенности вида всегда бывают выражены не меньше, чем особенности рода или семейства, но отличаются от них своим направлением и охватываемой ими областью. «Совершенно немыслимо, – продолжает Виганд, – будто, как это предполагает Дарвин, вид может превратиться в род, семейство и т.д. Если вообще вид и может распасться на два или несколько видов, то при этом не возникнет нового рода, ибо понятие рода определяется не числом относящихся к нему видов, а характером его особенностей; при подобном же распадении уже представленный исходным видом род испытает только дальнейшее расширение».

Во всех этих критических замечаниях содержится, безусловно, много верного. Принцип расхождения признаков, при помощи которого Дарвин думал объяснить происхождение не только разновидностей и видов, но и всех высших систематических единиц, отличающихся друг от друга глубокими морфологическими или анатомическими различиями, безусловно, представляет слабейшую часть его теории. Применяя к этому вопросу замечание, сделанное Вигандом по другому поводу, можно сказать, что это столь же парадоксально, как и предположение, будто кузнечик путем бесчисленного ряда прыжков может подняться до облаков.

Удивительнейшим образом эта часть теории Дарвина возбуждала в свое время наименьшее число возражений. Ее приняли без всяких колебаний не только правоверные дарвинисты, вроде Геккеля, Вейсмана, Роменса, Зейдлица[6] и других, но и такие более критически настроенные умы, как Негели, Аскенази, Эймер и др. Возражения против принципа расхождения признаков в качестве объяснения происхождения высших естественных единиц из низших составляют немалую заслугу Виганда, тем более, что ему было, повидимому, совсем неизвестно учение Копа о различном происхождении видов и родов <…>. Однако эта заслуга Виганда до сих пор не была никем не только в достаточной мере оценена, но даже просто отмечена. В общем он приходит к заключению, что главный вывод, приписываемый теории Дарвина, а именно – объяснение естественной системы организмов, на самом деле отнюдь не сделан ею, и эта система все еще остается необъяснимой.

Критический разбор других выводов из теории Дарвина у Виганда гораздо менее удачен и интересен. Он останавливается, например, на палеонтологических и эмбриологических доказательствах и считает, что они отнюдь ничего не говорят в пользу теории подбора. В частности, палеонтологические данные, по его мнению, скорее говорят за скачкообразное изменение организмов, что отмечал в свое время, как мы видели выше, Оуен и некоторые другие авторы. Точно так же, согласно Виганду, факты географического распространения организмов не более

[6] Зейдлиц (1875; см. выше) идет в этом направлении так далеко, что видит все различие между вариациями, видами, родами и т.д. лишь в «степени различия», которую можно оценить цифрами по числу происходивших при их образовании расщеплений. Так, различие между крайними вариациями равно 1, между видами – 100, между родами – 200, между семействами – 400 и т.д. Здесь принцип расхождения признаков доведен почти уже до абсурда.

гармонируют с теорией подбора, чем с теорией творения – вывод, с которым едва ли можно было согласиться и в его время. Такое же отношение мы находим у него и ко многим другим следствиям эволюционной теории вообще и дарвинизма в частности.

Еще строже относится к Дарвину Виганд во втором томе своего труда, посвященном общей, или методологической, критике дарвинизма. Последний не заслуживает под этим углом зрения имени не только теории, но даже гипотезы – к истинному исследованию природы в духе Ньютона или Кювье он относится так же, как сказка или роман к истории. «Дарвинизм, – заявляет в заключение Виганд, – есть одна из тех попыток, которые во имя исследования природы губят последнее». Более подробный разбор хода его мыслей в этом направлении представляется нам излишним.

Каковы же были положительные взгляды самого Виганда? Чрезвычайно характерно, что даже он не является противником идеи эволюции в ее общей форме. «Истина, – говорит он, – заключается в признании закономерного развития под влиянием внутренних причин, тогда как отрицание этого принципа развития представляет основную ошибку дарвинизма». Он не ограничивался только этим признанием, а пытался построить особую эволюционную теорию совсем без принципа подбора, на основе «генеалогии первичных клеток», под каким заглавием им была выпущена специальная брошюра[7]. Сущность этой теории в двух словах сводится к тому, что теперь все виды постоянны, но во время особого «примордиального периода» «первичные клетки» каждого из современных видов на стадии монер произошли из общей «примордиальной клетки» путем скачкообразных переходов. Теория эта крайне слаба, мало разработана и не встретила никакого сочувствия у представителей самых различных направлений: и Гартман, и Вейсман одинаково раскритиковали ее.

* * *

В нашей русской – в общем очень бедной – литературе имеется свой Виганд в лице Н.Я. Данилевского, которому принадлежит кроме ряда исследований о рыболовстве в России обширный двухтомный труд «Дарвинизм» <…>, появившийся незадолго до смерти его автора в 1885 году. Данилевский во многом очень близок к Виганду, книга которого ему была хорошо знакома, и даже следует в общем его порядку изложения (том первый содержит опровержение теории Дарвина, исходя из ее оснований, том второй – из ее последствий), однако исследование Данилевского не представляет собою простого переложения Виганда.

Основная ошибка дарвинизма, по Данилевскому, кроется в том, что «невозможно, чтобы масса случайностей <...> могла произвести <...> удивительнейшую целесообразность»; между тем основными свойствами теории Дарвина являются, по его мнению, случайность, отсутствие творческого начала и мозаичность. Против этой теории он выдвигает следующие соображения.

Домашние формы с самого начала обладали исключительной изменчивостью, почему на основании их нельзя делать более широких заключений. Виды и разновидности по целому ряду соображений (весьма мало убедительных, заметим мы от себя) отнюдь нельзя приравнивать друг другу. Изменения культурных форм нигде не достигают ранга видов, что совершенно лишает учение Дарвина фактической основы. Борьба за существование лишена некоторых необходимых для ее действия свойств (должной напряженности, постоянного направления и т.д.), почему она оказывается лишенной селективного значения.

До сих пор Данилевский повторял, хотя и гораздо более подробно, почти то же самое, что до него было высказано по этим вопросам Виганом. Однако его разбор деятельности искусственного подбора (в первом томе) и естественного (во втором) уже гораздо более оригинален.

Искусственный подбор, по мнению Данилевского, безусловно, существует, но это не главный, а только вторичный и более поздний фактор в процессе образования пород. Самые коренные и важные изменения последних по сравнению с исходными формами произошли от других причин, к числу которых он относит влияние внешних условий, гибридизацию, уродства, внезапные произвольные изменения и т.д. Подбор имел при этом лишь второстепенное значение, но при его помощи были, действительно, получены многие породы новейшего происхождения, откуда при оценке его значения Дарвином и произошла, так сказать, ошибка – смещение исторической перспективы. В этих соображениях содержится много такого, что представляет интерес и в настоящее время.

Зато к естественному подбору Данилевский относится вполне отрицательно, и каждая глава второго тома его книги носит заголовок «Невозможность естественного подбора» по такой-то причине. К числу последних, по его мнению, относятся следующие.

[7] *Wigand A*. Die Genealogie der Urzellen als Lösung des Deszendenz-Problems. Braunschweig, 1872.

Во-первых, поглощающее влияние скрещивания, ибо «вид может победить вид, а начинающееся индивидуальное уклонение будет всегда <...> побеждено своим исходным видом», откуда следует, что «измышленный Дарвином естественный подбор не существует, не существовал и не может существовать».

Во-вторых, то же самое говорит и самый факт существования признаков нейтральных, бесполезных и вредных, причем и принцип совершенствования Негели отнюдь не может пролить света на этот вопрос. В-третьих, наконец, учение о естественном подборе опровергается тем, что нет никаких следов эволюционного процесса в живой природе и в ископаемых формах (что представляет, конечно, глубоко ошибочное утверждение), а также ограниченностью времени для того, чтобы организмы могли произойти так, как это представлял себе Дарвин.

В заключение Данилевский перечисляет 15 главных ошибочных выводов Дарвина и 10 его логических ошибок, приведших к ним, на чем, однако, мы позволим себе не останавливаться. По его мнению, в вопросе о происхождении организмов возможны вообще три взгляда: Дарвина, основанный на случайности, Келликера, признающий внутренний закон развития, и, наконец, Бэра, а также Кювье и Агассиса, который видит во всем органическую целестремительность и для ее объяснения принимает разумную причину. Лично он, безусловно, примыкает к последнему из них.

Книга Данилевского, как и Виганда, не имела никакого успеха. Против нее решительно выступил наш известный ботаник и популяризатор учения Дарвина К.А. Тимирязев[8] в статье «Наши антидарвинисты», перепечатанной позже в виде приложения к его прекрасному изложению теории Дарвина[9]. Впрочем, в своих возражениях Тимирязев обрушивается главным образом на слабые стороны Данилевского, оставляя без внимания его более существенные возражения о прирученных формах, искусственном подборе и т.д.

[8] Первыми проповедниками идей Дарвина в России были Рачинский, Писарев и главным образом Тимирязев. <…> Тимирязев по своим взглядам был всю жизнь ортодоксальнейшим дарвинистом, откуда и его несочувственное отношение ко всем уклонениям от «настоящего» дарвинизма.

[9] *Тимирязев К.А.* Чарльз Дарвин и его учение. 6-е изд. М., 1908.

Н.Н. Страхов[10]

Н.Я. Данилевский умер на шестьдесят третьем году, и две большие части его «Дарвинизма» вышли через несколько дней после его смерти. Таким образом, его книгу можно назвать *плодом целой жизни,* потому что автор всю свою зрелую жизнь[11] ревностно изучал организмы и лишь под конец приложил это огромное изучение к разбору Дарвиновой теории. Знание животных и растений было главным знанием Николая Яковлевича, и он занимался этим предметом с необыкновенным постоянством и любовью. Это был ум спокойный, ясный и непрерывно деятельный. В своих далеких и частых поездках он не только изучал животных, составлявших предмет промысла, но делал тысячи наблюдений над всякого рода явлениями природы, а в свободные часы читал сочинения натуралистов. В шалаше рыбака или в убогой избе, где-нибудь в тех местах, где нет ни дорог, ни проезжих, а бывают одни рыболовы, можно было найти Н.Я. Данилевского, спокойно и с живым любопытством погруженного в ученую книгу. В 1867 году ему довелось купить на Южном Берегу имение с большим запущенным садом, и тут он отдался с увлечением своей любви к растениям, отдался не простому, а глубоко ученому любительству. Под конец жизни служебные дела не только не отрывали, как прежде, а даже связывали его с Крымом, так что сад Мшатки восемнадцать лет был местом разнообразных опытов и наблюдений своего хозяина, который сам ходил за растениями и следил за их жизнью и с ученою любознательностью, и с эстетическим наслаждением.

Вот какого рода были познания Николая Яковлевича в науке об организмах. Это не было ознакомление с ними по книгам, по гербариям и чучелам, приобретаемое в кабинете; это было изучение живой природы во всей полноте ее жизни, многолетнее близкое знакомство со всей

[10] Печатается по изданию: *Страхов Н.Н.* Предисловие // *Н.Я. Данилевский.* Дарвинизм. Критическое исследование. Т. 2. (Одна посмертная глава). – СПб.: Изд-е М.Е. Комарова, 1889. – С. 1–48 *(Ред.)*.

[11] По выходе из лицея (1843), он поступил на естественный факультет Санкт-Петербургского университета, потом держал экзамен на степень магистра ботаники и представил диссертацию, но, по стечению обстоятельств, не защищал ее.

игрой органических явлений; это было точное знание, соединенное с тем пониманием, которое дается лишь любовью и непосредственными впечатлениями. Множество мест («Дарвинизма». – *Ред.*) отзываются особенным характером познаний ее автора. Он не может говорить сухо и равнодушно о произведениях природы, и часто рассказывает новые факты из своих долгих и обширных наблюдений.

Спокойный и ясный ум Николая Яковлевича был готов, по-видимому, без конца поглощать познания, лишь отчеканивая их в свою отчетливую форму. Но явился случай, когда это самое стремление к отчетливой ясности поставило его в большое затруднение и привело к тому *критическому исследованию,* которое лежит пред нами. В естественных науках неожиданно выступило и получило величайший успех учение, резко противоречащее давно усвоенным и вполне обдуманным понятиям Н.Я. Данилевского. Ничего не может быть характеристичнее тех отношений, в которые он с самого начала стал к дарвинизму. Он сравнивает это со случаем так называемой *математической пешки.*

«Я помню, – рассказывает он, – как раз мне доказывали, что в треугольнике может быть два прямых угла, и это безо всякой помощи четвертого измерения, – все дело происходило в нашем обыкновенном евклидовом пространстве. С начала я не заметил, в чем заключалась штука или фортель. Что же бы я мог в таком положении делать? Доказывать теорему обыкновенным путем, как она изложена в каждом учебнике? На это мой противник имел бы право отвечать: “Очень хорошо, я с вами вовсе не спорю; очень может быть, что ваше доказательство верно, но верным остается и мое, пока вы не сможете его опровергнуть; а если верны оба, то я доказал гораздо больше, нежели сначала предполагал. Я было думал убедить вас в неосновательности одной из теорем, принятых за несомненные, то есть одной из ваших аксиом, а теперь выходит, что я опроверг самую правильность и бессомнительность логического процесса вообще. Какая же остается логика после того, как вы принуждены сознаться, что могут совместно существовать две истины, взаимно исключающие одна другую?”» (Ч. I, стр. 20, 21).

Вот ясное рассуждение, до которого не все могут подняться, а главное, которого держаться с полною твердостью могут лишь очень немногие. Это настоящий прием мыслителя, чистейшая форма того скептицизма, который бывает необходим для точного научного исследования.

После этого читателю будет понятен следующий рассказ автора:

«Когда появилось Дарвиново учение, столь победоносно и триумфально пронесшееся над умственным миром и не менее победоносно и триумфально над ним утвердившееся, я находился в местах весьма отдаленных, хотя по установившейся у нас юридической номенклатуре они к таковым и не причисляются: на пустынных островах и на берегах Белого моря, на Печоре и Мурманском берегу. Хотя *далеко не столь важные по своим последствиям,* но более громкие и быстро разносящиеся по миру вести о покорении Шамиля, о начатой и оконченной франко-итальянской войне, столь же мало доходили до этих мест, как и Дарвиново учение. Познакомился я с ним в первый раз в Норвегии[12], из статьи в *Revue des Deux Mondes.* Это было с лишком двадцать лет тому назад, и с тех пор я могу сказать, что мысль о нем меня уже не покидала. При открывшейся возможности я ознакомился с оригинальными сочинениями самого Ч. Дарвина и с главнейшими, сделанными против него возражениями. К этому учению приковывала меня именно та, казавшаяся мне вначале неразрешимою, дилемма, о которой я только что говорил. С одной стороны, невозможно, чтобы масса случайностей, не соображенных между собою, могла произвести порядок, гармонию и удивительнейшую целесообразность; с другой – талантливый ученый, вооруженный всеми данными науки и обширного личного опыта, ясным и очевидным образом показывает вам, как просто, однако же, это могло сделаться. *В течение нескольких лет* я находился в том самом положении, в каком был в течение нескольких минут, когда мне предложили пешку о двух прямых углах в одном и том же треугольнике. *Только после долгого изучения и еще более долгого размышления увидел я первый выход из этой дилеммы, и это было для меня большою радостью.* Затем открылось таких выходов множество, так что все здание теории изрешетилось, а наконец и развалилось в моих глазах в бессвязную кучу мусора» (с. 22, 23).

Из этого рассказа прекрасно видны две черты, объясняющие нам характер и содержание всей книги. Во-первых, здесь описано то, что составляет самую сущность беспристрастия. Большинство ученых, конечно, люди добросовестные, не желающие лукавить в своих суждениях. Но много ли есть таких, которые не хватаются прежде всего за результат, так что не доводы их убеждают в результате, а наоборот, самый результат

[12] Зимою 1860–1861 годов, Николай Яковлевич, оканчивая свою *вторую* экспедицию, начатую в 1838 году, был в Норвегии, чтобы познакомиться с тамошним рыболовством. Знаменитая книга Ч. Дарвина вышла 1 октября 1859 года.

придает убедительность доводам? Когда мы не допускаем и мысли о возможности ошибиться в решении, мы становимся небрежными к нашим противникам, мы торопимся к заключению, и от нас, совершенно независимо от нашей воли, ускользает сила их доводов; мы не можем довольно глубоко ими заинтересоваться. Поэтому, для беспристрастия требуется очень трудное условие: нужно приостановить свое решение, воздержаться от заключения, то есть подняться в область безразличного, непредубежденного суждения, в область чистой науки. Только тогда мы будем в состоянии точно проверить и основания наших собственных мнений, и доводы нашего противника, и этот противник будет у нас судим с тем же вниманием, как и самый дорогой наш сторонник.

Рассказ Н.Я. Данилевского указывает нам вместе и на правильное отношение к авторитетам. В отношении к авторитетам у нас не должно быть ни легкомысленного отрицания, ни слепого подчинения. Крупный авторитет есть именно случай, который вызывает наш ум к труду, к строгой поверке и чужого, и своего.

Итак, первая черта нашего автора есть истинно научное беспристрастие. Вся его книга, действительно, неотразимо убеждает в этом внимательного читателя.

Во-вторых, мы ясно видим, на какую почву становится автор для спора с Ч. Дарвином. Он не ищет никакой опоры, которая могла бы стоять выше естественных наук; он не думает вносить в спор понятия, взятые извне, из какой бы то ни было другой области. Все дело должно быть решено теми приемами и основаниями, которые имеют силу в естествознании, совершенно так, как это делается и у Ч. Дарвина. Правда, автор входит (преимущественно в начале и в конце) и в общие философские соображения; но все это, говоря его собственным выражением, есть только *надстройка,* ясно отличающаяся от главного здания книги. Таким образом, исследование Н.Я. Данилевского есть труд в строгом смысле научный, естественноисторический, опирающийся, как у всех натуралистов, на твердом признании, что их наука вполне самостоятельна, что она имеет, так сказать, верховную власть в делах, ей подлежащих.

Повторим еще раз, что автор сдержал свое слово; при его настроении ему не трудно было в этой огромной массе фактов и рассуждений постоянно оставаться и вполне беспристрастным, и вполне натуралистом.

* * *

<…> Если бы мы предположили только изложить содержание этой книги, то задача наша была бы очень легка. Ход мыслей в целом сочинении совершенно правильный, отчетливо логический; разделение на части и порядок частей имеют полную строгость и ясность; наконец, сам автор, по мере хода исследования, делает краткие обзоры всего изложенного, так что стоило бы только выписать эти обзоры и окончательные выводы, чтобы получить полный очерк всего сочинения. Автор сделал все, что можно, для того, чтобы руководить читателя и не дать ему сбиться в сторону или запутаться на середине дороги. Кто вполне познакомится с этой книгой, тот найдет в ней такую удивительную стройность и ясность, какая встречается в очень и очень немногих книгах, и какой мы не можем признать, например, за Ч. Дарвином.

С нашей стороны поэтому лучше будет, если мы будем делать лишь общие замечания, останавливаясь лишь на известных пунктах и на общих точках зрения.

Логический порядок книги следующий:

После введения делается точное изложение теории Ч. Дарвина и точное определение ее *оснований,* то есть тех фактов, которые она признает существующими в природе, на которых строит все свое здание (Ч. I, гл. I и II, с. 47–196).

Затем начинается опровержение теории, и сначала идет прямое опровержение, а потом косвенное. Чтобы яснее видеть этот порядок, приведем здесь тот конспект Дарвинова учения, который сам Н.Я. Данилевский сделал для устранения всякой сбивчивости в суждениях о составе этого учения.

Факты, которые признает или старается доказать теория, суть следующие:

«А. У домашних животных и растений:

1) От каких бы то ни было причин появляющиеся, различные по направлению и силе *изменения,* между прочим и такие, которые *в несколько большей степени соответствуют потребностям и вкусам человека.*

2) Передача этих изменений с большею или меньшею полнотой детям и вообще потомкам *наследственностью.*

3) Подмечание этих полезных для человека и потомственно передающихся изменений и более или менее строгое отделение таким образом измененных неделимых, с целью более или менее исключительного допущения их к размножению породы, то есть *искусственный подбор.* И, как *результат* всего этого:

4) *Переживание пригоднейших* для человека индивидуумов, постепенно образующих определенные расы накоплением подобранных признаков, при уменьшении числа и, наконец, вымирании тех, которые не были подобраны.

В. Для диких животных и растений в их природном состоянии мы также точно имеем:

1) Различные, по направлению и силе, изменения существующих форм и между ними *от времени до времени появляющиеся изменения, полезные для самого существа* по отношению к органическим и неорганическим условиям его существования.

2) Передачу этих изменений *наследственностью.*

3) *Борьбу за существование,* при которой неизмененные или в невыгодном отношении измененные индивидуумы гибнут в большем числе, чем измененные в благоприятном смысле. И, *как результат* всего этого:

4) *Переживание приспособленнейших* (Ч. I, с. 145, 146)».

Эту схему, совершенно точную, нужно постоянно помнить и иметь в виду при суждениях об учении Ч. Дарвина и при чтении книги Н.Я. Данилевского. Нужно строго различать то, что относится к домашним организмам, от того, что относится к диким. В каждой из этих двух областей действуют три необходимых фактора: *изменчивость, наследственность и подбор* (в одной области искусственный, в другой – естественный); совокупное действие их составляет причину того результата, объяснения, которого ищет теория. В области природы, по теории Ч. Дарвина, этот результат есть *переживание приспособленнейших,* то есть существование всех тех удивительных приспособлений организмов к окружающему миру и между собою, которые в таком изобилии открываются нам наблюдениями; так что Ч. Дарвин и думал, что он успел вывести и объяснить всю эту целесообразность из ее настоящих причин.

Теперь можно ясно видеть, в чем состоит *прямое* опровержение теории Ч. Дарвина. Одно за другим разбираются основные ее положения, причем лишь принят другой порядок, как более удобный для изложения. Прежде всего доказывается, что размеры *изменчивости* домашних животных и культурных растений нельзя прямо распространять на все организмы (гл. III). Потом, что никакие известные факты и никакие заключения из известных фактов не показывают, чтобы в естественном состоянии изменения организмов когда-нибудь переходили границу вида (гл. IV), и что, точно так же, наиболее значительные из известных нам изменений – изменения домашних животных и культурных растений – не переходят этой границы (гл. V). Далее доказывается, что *искусственный подбор* отнюдь не может считаться главною причиной различий в породах домашних животных и культурных растений (гл. IV), и что ни *наследственность, ни борьба за существование* не могут иметь тех свойств, которые им приписываются в теории Ч. Дарвина (гл. VII). Наконец, весь этот ряд доводов заключается самым решительным и важным, а именно доказательством, что *естественного подбора* вовсе не существует и не может существовать. Естественный подбор, по учению Ч. Дарвина, А.Р. Уоллеса и их последователей, производится *борьбой за существование,* так что в естественном состоянии организмов борьба за существование составляет третий необходимый фактор приспособительного изменения, соответствующий в домашнем состоянии искусственному подбору. Н.Я. Данилевский доказывает, что в природе этот фактор вовсе не действует как подбор, и потому, конечно, объяснять из него ничего нельзя (гл. VIII и IX).

Затем следует *косвенное* опровержение теории, приведение ее к нелепости по тем следствиям, которые из нее вытекают. Тут показывается, что в существенных своих чертах действительный органический мир вовсе не таков, каков он был бы, если бы различия и приспособления организмов возникли так, как предполагает Ч. Дарвин. Действительность положительными фактами противоречит выводам из теории (гл. X и XI). Но, кроме того, ей противоречит и *отсутствие* таких фактов, которые по теории должны бы существовать, отсутствие следов предполагаемого процесса. Нет переходных форм ни в живой природе, ни в остатках геологических эпох (гл. XII). Есть факты вымирания организмов, но из них нет ни одного согласного с теорией; есть много времени для перехода одних органических форм в другие, но всех геологических эпох далеко недостаточно для происхождения организмов по Дарвинову процессу (гл. XIII).

Критика кончена, и автор заключает ее обзором логических ошибок Ч. Дарвина и общею оценкой его теории с естественноисторической и с философской точки зрения (гл. XIV).

Зная состав книги, мы можем почти по произволу начинать чтение с той главы, предмет которой привлечет наше внимание. Все исследование распределено по отдельным пунктам теории, которые разбираются каждый от основания, от самого корня, и которые почти одинаково важны для общей цели. Благодаря твердой и отчетливой логической постановке всего дела, мы ясно видим, что ниспровержение каждого из этих пунктов есть и ниспровержение всей теории. Если существование различий и целесообразных строений в органических существах есть следствие совокупного действия трех факторов, то доказательство того, что один из этих факторов не

существует или действует вовсе не так, как того требует теория, есть и полное опровержение теории. Если то, что происходит в области домашних животных и культурных растений не может быть в том или другом пункте перенесено на область природы, свободную от действий человека, то опять теория распадается. Если, наконец, ясное следствие, выводимое из теории, резко противоречит действительности, то и это вполне опровергает теорию. Такова сила логики, и нет сомнения, что если бы Ч. Дарвин формулировал свою теорию с такою же логическою стройностью, какую Н.Я. Данилевский придал своему опровержению, то едва ли бы сам так увлекся и так увлек других своими предположениями.

Читая эту книгу, мы найдем, таким образом, что в ней Ч. Дарвин опровергнут не один раз, а десять раз кряду. Такое свойство книги легко может не понравиться тем, кто станет искать в ней лишь одного определенного результата. Если читатель желает лишь знать, верна или нет теория Ч. Дарвина, точно ли Ч. Дарвин успел объяснить, как человек произошел от обезьяновидного животного, то для такого читателя покажется скучным вникать все в новые и новые опровержения того, что давно опровергнуто. Но автор совершенно иначе понимал свое дело. Он с любовью и вниманием останавливался на каждом пункте, потому что в каждом находил своеобразный интерес. Интересно и то, как сложились и повихнулись понятия Ч. Дарвина, ученого, имеющего такой громадный авторитет; но еще интереснее и, конечно, одно истинно важно: как дело происходит в самой природе, какой действительный процесс и действительный порядок соответствует неверным понятиям теории. Каждое из этих понятий превращалось для автора в вопрос, с которым он обращался к действительному миру, к строгой науке, и он усердно и осторожно отыскивал ответы и изложил их в своей книге. Эта положительная сторона исследования, конечно, есть и самая драгоценная.

В.В. Розанов[13]

Н.Я. Данилевский разработал две громадные идеи, из которых одна положительная по содержанию, другая – отрицательная. Мы разумеем его теорию культурно-исторических типов, развитую в книге «Россия и Европа», и критику дарвинизма, изложенную в двух томах неоконченного сочинения, которое носит название этой теории. По своему универсальному значению обе идеи эти высоко возвышаются над умственною производительностью нашего общества; и, конечно, чем далее ряды сменяющихся поколений будут отходить от нашего времени, тем яснее проступят перед ними величественные черты умственного здания, которое он пытался воздвигнуть. Но, подходя ближе к этому зданию, мы замечаем, что многое в нем выполнено просто и грубо, хотя в общем – всегда верно[14]. Истинность и совершенство целого при грубости в обработке частей есть общая черта научно-литературных произведений Данилевского. Он всегда видел только главную идею, для которой работал; эта идея поглощала его мысли, – и он менее внимательно смотрел на самый процесс выполнения. Оттого, раз прочитав его труды и согласившись с ним в главном, не имеешь охоты возвращаться к ним снова, зная, что не найдешь в них уже ничего нового. И, однако, самые идеи его уже входят в систему ваших убеждений, они не могут ни исказиться, ни забыться.

[13] Печатается по изданию: *Розанов В.В.* Литературные изгнанники. Воспоминания. Письма. – М.: Аграф, 2000. – С. 11.

[14] Страхов был ювелир, Данилевский – архитектор. Страхов вечно точил и обтачивал чужие мысли, чужие идеи, чужие замыслы и порывы. Вся его работа, на протяжении всей жизни и во всех разнообразных областях, где он трудился – биологии, механики, психологии, метафизики – *критическая,* без решимости и даже без желания *творчества.* «Мыслей создано достаточно и незачем выдумывать новых; но прекрасные мысли, какие имеет человечество, местами не так сказаны, местами неверно восприняты, и в общем до сих пор мало связаны и частью не продуманы еще». Так, казалось, говорил ему внутренний голос, некоторый специально страховский δαιμγνιον (предохраняющий, «страхующий от пожара и потопа»). И он всю жизнь «продумывал» чужие мысли, уча, наставляя и вечно читая сам (колоссальная личная библиотека, занимавшая даже всю прихожую до потолка).

А. Скопинский[15]

Почти не знали при жизни Н.Я. Данилевского. Теперь в короткое время книга его «Россия и Европа» вышла пятым изданием.

Но кто был издателем сочинений Н.Я. Данилевского?

Никто как Н.Н. Страхов. И это уже заслуга перед русским обществом, дающая право на бессмертие в летописях русского просвещения.

Страхов понял все значение Н.Я. Данилевского, этого глубокого мыслителя-естествоиспытателя, и он решился пропагандировать в русском обществе его произведения, в надежде, что ему удастся пробить лед равнодушия к любимому им автору. <…>

Общество не подходило к Н.Я. Данилевскому, игнорировало его деятельность, его произведения. Страхов пошел к обществу с этими произведениями, заставил общество обратить на них внимание… и успел в этом.

[15] Печатается по изданию: *Розанов В.В.* Литературные изгнанники. Воспоминания. Письма. – М.: Аграф, 2000. – С. 268.

Л.С. Берг[16]

Некоторые мои взгляды и доводы сходятся с тем, что говорит Н.Я. Данилевский в своем «Дарвинизме». Книга эта, конечно, всем естествоиспытателям понаслышке известна, но из людей моего возраста, я думаю, найдется в России едва пять-шесть человек, которые ее читали бы: за ней имеется слава Герострата. Такова сила предубеждения, что первоначально я не находил нужным даже обращаться к ней, считая произведением ненаучным и тенденциозным, и взял ее в руки как бы для очистки совести лишь тогда, когда вся моя книга была написана. Прочитав ее, я с радостным удивлением убедился, что наши взгляды во многом одинаковы.

Труд Данилевского – результат обширной эрудиции автора, есть произведение, заслуживающее полного внимания. В нем заключена масса дельных соображений, к которым независимо впоследствии пришли на Западе. Если бы книга Данилевского была своевременно переведена на какой-либо из иностранных языков, то она пользовалась бы заслуженной известностью. У нас же она находилась в полном небрежении. Я буду очень счастлив, если своей книгой смогу обратить внимание на незаслуженно забытое произведение русского автора. <…>

В введении к своему труду, вышедшему в 1885 году, Данилевский задает вопрос, окажет ли его сочинение влияние на умы современников, и отвечает так: «Хотя утвердительный ответ на подобные вопросы обыкновенно и нашептывается авторам их самолюбием, я должен сознаться, что имею очень мало на это надежды. Опыт, и чужой, и личный, и даже несравненно важнейший опыт истории показывает, что в данное время убеждает не истина сама по себе, а то случайное обстоятельство, подходит ли, все равно истина или ложь, к господствующему в известное время строю мысли, к так называемому общественному мнению – к тому, что величается современным мировоззрением, современною наукою».

[16] Печатается по изданию: *Берг Л.С.* Номогенез, или эволюция на основе закономерностей // *Л.С. Берг.* Труды по теории эволюции, 1922–1930. – Л.: Наука, 1977. – С. 95–96.

А.А. Любищев[17]

Сейчас прочел вновь «Происхождение видов» Дарвина, его же автобиографию и избранные письма, старые книги «Дарвинизм» Данилевского, читаю сейчас самую толстую антидарвинистическую книгу Виганда и все больше убеждаюсь, что именно механизм, то есть селектогенез глубоко иррациональное учение: это, как правильно сказал Данилевский, философия и при том дурная философия и не настоящая наука.

[17] Из письма к С.В. Мейену от 17 августа 1970 г. Печатается по оригиналу, хранящемуся в научном архиве С.В. Мейена.

С.В. Мейен[18]

Прошлые две недели я читал в Ленинской библиотеке «Дарвинизм» Данилевского. К своей глубокой радости (и немного огорчению) обнаружил, что Данилевский критиковал принцип естественного отбора с тех же позиций, что и я сейчас. Он разбирает ряды Фибоначчи, формы раковин и т.д., то есть все то, что труднее всего объясняется отбором. Книги Данилевского удивительно современны, но, как выяснилось, наши теоретики (кроме Гилярова) их никогда не читали.

[18] Из письма к Ю.А. Урманцеву от 28 декабря 1971 года. Печатается по изданию: Эволюция флор в палеозое: Сборник научных трудов. – М.: ГЕОС, 2003. – С. 113.

Ю.В. Чайковский[19]

Поняв, что некоторые свойства организма нельзя объяснить как результат отбора, он (Дарвин. – *Ред.*) только для них, как для исключений, допускал возможность иных факторов, но не исследовал далее эти факторы, а продолжал приводить примеры в пользу отбора. Это хорошо описал Н.Я. Данилевский (натуралист, философ и деятель хозяйства), наш самый обстоятельный критик дарвинизма:

«Нельзя сказать, чтобы он их (Дарвин трудности. – *Ю.Ч.*) совершенно упустил из виду, – он и сам <…> то в одном, то в другом месте скажет об них несколько слов, совершенно ничего, впрочем, не разъясняющих, или упоминает о возражениях, сделанных другими, признает за ними некоторую силу; но затем все остается по-старому, и он продолжает свои выводы и доводы, как будто этих возражений, им нисколько не опровергнутых, вовсе не существовало» (*Н.Я. Данилевский.* Дарвинизм. Критическое исследование. СПб., 1885, т. I, ч. 2, с. 3).

[19] *Чайковский Ю.В.* Наука о развитии жизни. Опыт теории эволюции. – М.: Тов-во научн. изданий КМК, 2006. – С. 119.

Т.А. Лукина[20]

Главное, что разделяло Бэра и Дарвина, – это мировоззрение. Бэр считал правильным телеологический взгляд на природу, признавал природу системой целей. Восприятие природы лишь тогда казалось ему справедливым, когда оно совпадало с телеологическим. Он старался доказать, что дарвинистическая гипотеза несовместима с телеологией и поэтому неприемлема <…>.

Бэр упрекал Дарвина и его последователей в том, что их исходная позиция – только размышление; место наблюдения у них занимают фантазии, догадки, предположения при полном отсутствии эмпирических доказательств <…>.

Бэр полагал, что метод дарвинистов не имеет ничего общего с методом точного естествознания, применявшимся Кеплером, Ньютоном, Кювье, что характер исследования природы Дарвином скорее приближается к методу натурфилософии Шеллинга и Окена. <…>

Бэр призывал натуралистов не заполнять пробелы в геологической летописи с помощью догадок там, где из опыта нельзя извлечь доказательств предложенной гипотезы; в интересах истины и науки он рекомендовал оставлять подобные пробелы открытыми, не пытаясь строить выводы о превращениях, не видимых человеческим глазом, на основе причинных связей между бесчисленными и безграничными рядами явлений. Другой упрек Бэра дарвинистам в методологическом отношении – в незнании задач и значения предположений, в том, что гипотезы ими расцениваются как доказанные факты. Кроме того, Бэр пытался отыскать противоречия элементарным законам логики, <…> допущенные в трудах дарвинистов: возможности принимаются за действительно имевшие место события; допускаются неправомерные обобщения; при анализе видов одного рода смешиваются понятия «сходство морфологического строения» и «ге-

[20] Печатается по изданию: *Лукина Т.А.* Эволюционные воззрения К.М. Бэра в 60–70-е гг. XIX века // *А.Г. Назаров, Е.В. Цуцкин*. Карл Максимович Бэр, 1792–1876. – М.: Наука, 2008. – С. 447–452.

Карл Максимович Бэр

неалогическое родство», тогда как только последнему можно придавать эволюционный смысл.

Не ограничиваясь проблемами методологии, Бэр задался целью проанализировать основные принципы теории Дарвина: изменчивость, борьбу за существование, естественный отбор, наследственность. Он отвергал понятие неопределенной и неограниченной изменчивости, считал, что изменчивость имеет пределы, что вариации возникают не хаотически, а в определенном направлении, и наследственно не фиксируются, а утрачиваются. Превращение видов, по его мнению, не могло медленно происходить само собой, так как существуют hiatus'ы; виды дискретны, переходных форм между ними нет. В историческое время превращения видов не засвидетельствованы. <…>

Против предположения о неограниченной изменчивости Бэр выдвигал еще и такие доводы: разве возможно суммирование изменений, если ни одна причина отклонений не действует постоянно? Особенности лошадей, овец и других домашних животных теряются, если их не сохранять с помощью искусственного отбора <…>.

Ко второму периоду развития эволюционной теории (после 1865 г.) относится полемика Бэра с Дарвином по вопросу о причинах и движущих силах эволюции. Вместе с А. Кёлликером и К. Нэгели Бэр не согласился с дарвинизмом и, следуя принципу градации Ламарка, признал, что эволюция совершается под действием внутреннего закона развития, стремления к прогрессу, причем видообразование происходит скачкообразно.

В духе Шеллингианской философии Бэр рассматривал органический мир как результат развития, направленного к высшей цели. Он ввел понятие о целенаправленности эволюции, предположив, что целенаправленность, свойственная процессам онтогенеза, наличествует и в филогенезе. Бэр отказывался признать за естественным отбором творческую роль и принимал за творческую силу – целестремительность. Приспособленность организмов к условиям жизни он объяснял не как следствие естественного отбора, а как результат изначальной целесообразности; признавал предопределенность эволюции всех таксонов. <…>

В России Н.Я. Данилевский полностью повторил аргументацию Бэра и в критике Дарвина, и в изложении своих собственных эволюционных взглядов.

Н.О. Лосский[21]

Данилевский считается эпигоном славянофильства, вступившего в период своего вырождения. Он особенно яркий представитель панславизма. В книге «Россия и Европа» Данилевский обстоятельно разрабатывает теорию «культурно-исторических типов» человечества. Идея эта была намечена раньше Данилевского немецким историком Г. Рюккертом[22], а после Данилевского была темою трудов Шпенглера. Согласно Дани-

[21] *Николай Онуфриевич Лосский* (1870–1965) – выдающийся русский философ. Принадлежащая его перу оценка взглядов Н.Я. Данилевского печатается по изданию: *Лосский Н.О.* История русской философии. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1994. – С. 78–80 (*Ред.*).

[22] Несостоятельность этого предположения, «запущенного» в свое время с легкой руки философа В.С. Соловьева, была показана еще при жизни последнего; см.: *Страхов Н.Н.* Взгляды Г. Рюккерта и Н.Я. Данилевского // Русский Вестник. – 1894. Октябрь. См. также: *Розанов В.В.* Рассеянное недоразумение // *В.В. Розанов.* Литературные изгнанники: Воспоминания. Письма. – М.: Аграф, 2000. – С. 81–85 (*Ред.*).

левскому, нет и не может быть общечеловеческой цивилизации. Существуют культурно-исторические типы цивилизации, например, египетский, китайский, ассиро-вавилонский, еврейский, греческий, римский. В наше время его особенно интересует романо-германский тип и нарождающийся славянский тип. Основы цивилизации одного типа не передаются другим типам; существует только иногда преемственность цивилизаций в ограниченной мере и во второстепенных чертах. Период роста культурно-исторического типа неопределенно длителен, но период цветения и плодоношения – короток; он навсегда истощает жизненную силу цивилизации (гл. V).

Человечество, думает Данилевский, есть отвлеченная идея, а не живое единое целое. Отношение между человечеством и народом есть отношение рода и вида. Род есть отвлеченное и бедное понятие; живое, конкретное есть народ. Смысл культурно-исторических типов состоит в том, что каждый из них по-своему выражает идею человека, и совокупность этих идей есть нечто всечеловеческое. Всемирное владычество одного культурно-исторического типа было бы оскудением жизни (гл. XV).

В наше время наступила пора для развития славянства как особого культурно-исторического типа. Своеобразие этого типа будет заключаться в следующем. Многие культурно-исторические типы имеют одну основу: еврейская культура – религиозная, греческая культура – художественная. Рим выработал политическую культуру. Романо-германская культура – двухосновна: это – политическая культура с научным и промышленным характером. Славянский тип будет первым полным четырехосновным культурно-историческим типом: это будет тип 1) религиозный, 2) научный, художественный, технический, промышленный, 3) политический, 4) общинно-экономический (гл. XVII).

Согласно Данилевскому, в дальнейшем процессе Европейской истории Австро-Венгрия распадется и возникнет Всеславянская федерация, которая включит в себя также инородные тела – Грецию, Румынию и Венгрию (гл. XIII). Восточный вопрос будет решен в результате борьбы Романо-Германского мира со Славянским, и Царьград станет столицею славянского союза (гл. XII и XIV).

В начале своей книги Данилевский много занимается вопросом о вражде Западной Европы к России и опровергает мнение, будто Россия есть алчный завоеватель. Он обстоятельно доказывает, что Россия никогда не производила национальных убийств и изувечений (гл. I и II).

Достоевский начал читать книгу Данилевского с увлечением, когда она печаталась в «Заре», но был очень разочарован, увидев, что Данилевский отрицает единство человечества и существование общечеловеческих идеалов. Владимир Соловьев особенно резко критиковал отрицание христианского универсализма <…>.

Под конец жизни Данилевский занялся опровержением дарвинизма. Труд этот остался неоконченным; в 1885 году напечатан был первый том в двух частях и после смерти автора одна глава второго тома в 1889 году. Свою книгу Данилевский представил на премию в Академию Наук[23], но премии он не получил. Было признано, что книга его есть свод возражений против дарвинизма, уже высказанных в Европе, правда, разработанных Данилевским обстоятельно и дополненных новыми примерами. Эволюцию Данилевский понимает как следствие «органической целестремительности», руководимой «разумною причиною». Понятие и термин «целестремительность» (*Zielstrebigkeit*) ввел в философию и биологию знаменитый зоолог Карл фон Бэр, с которым Данилевский был в добрых отношениях.

Данилевский высказал следующий афоризм о красоте: «Бог пожелал создать красоту и для этого создал материю».

[23] В действительности, это сделали его почитатели: Н.Я. Данилевский скоропостижно скончался до выхода в свет своего труда (*Ред.*).